

Всемирная история

Алекс Бертран ГРОМОВ

ТЕГЕРАН-43

«БОЛЬШАЯ ТРОЙКА» НА ПУТИ К ПЕРЕУСТРОЙСТВУ МИРА

Всемирная история (Вече)

Алекс Бертран Громов

**Тегеран-43. «Большая тройка»
на пути к переустройству мира**

«ВЕЧЕ»

2018

Громов А.

Тегеран-43. «Большая тройка» на пути к переустройству мира /
А. Громов — «ВЕЧЕ», 2018 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-7905-2

Период с 1935 по 1946 год – один из самых напряженных и знаковых в истории Ирана. Он включает в себя и важные вехи внутреннего развития страны, и события, связанные со Второй мировой войной, в первую очередь Тегеранскую конференцию, на которой впервые встретились лицом к лицу все лидеры стран антигитлеровской коалиции. В книге известного историка, лауреата премии им. Пикуля, автора бестселлера «Персия: история неоткрытой страны» Алекса Громова рассказывается об отношениях между СССР и Ираном с 1930-х годов, вводе союзных войск, разгроме немецкой агентуры, ленд-лизе через Иран, самой Тегеранской конференции и ее значении. Уделено внимание версиям подготовки покушения на вождей антигитлеровской коалиции при участии Отто Скорцени.

ISBN 978-5-4484-7905-2

© Громов А., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Предисловие	6
Когда Иран стал Ираном	7
Иран и СССР. Предыстория	7
Ушедшие в Персию	9
Фрунзе и революция в Персии	10
«Дорогой товарищ Мирза Кучек-хан!..»	11
История невмешательства	13
Гилянская республика	15
Судьба Ходоу-хана	18
Персия становится Ираном	20
Германия и Иран	23
Отношения с III Рейхом	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алекс Бертран Громов

Тегеран-43. «Большая тройка» на пути к переустройству мира

© Громов А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Тегеранская встреча руководителей стран антигитлеровской коалиции – Иосифа Сталина, Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля – была важной вехой в дипломатической истории Второй мировой войны. Это была первая конференция, на которой лично встретились и вели переговоры лидеры союзников, объединенных стремлением разгромить фашистскую Германию и ее сателлитов, преградить путь распространению человеконенавистнической нацистской идеологии и военной агрессии.

К концу 1943 года вермахту был нанесен невосполнимый урон, особенно на Восточном фронте. После Сталинградской и Курской битв немецкая армия утратила возможность проводить серьезные наступательные операции, а стратегическая инициатива окончательно перешла к Красной Армии. Но проблема скорейшего открытия второго фронта оставалась крайне актуальной. Именно обсуждением этой и других важнейших тем определяется огромная значимость Тегеранской конференции 1943 года, показавшей пример возможности конструктивно решать многие непростые вопросы.

В этом году отмечается 75-летняя годовщина встречи «Большой тройки» в Тегеране. За это время сменились поколения, поэтому сохранение исторической памяти о подвигах тех, кто разгромил фашизм, и о тех дипломатических усилиях, благодаря которым были заложены основы современного мира, представляется особо важным.

Валентин РУНОВ, профессор, кандидат исторических наук

Предисловие

Мы регулярно представляем российское книгоиздание на Тегеранской книжной ярмарке и отмечаем при этом устойчивый интерес к жизни нашей страны и ее литературе. Это не удивительно, ведь Россия и Иран традиционно были связаны множеством контактов как в области взаимоотношений на государственном уровне, так и в экономике и, конечно, в сфере культуры. В этом плане мне представляется очень важным то, что известный историк Алекс Громов обратился к теме советско-иранских отношений в первой половине XX века, и прежде всего Тегеранской конференции 1943 года, 75-летие которой отмечается в нынешнем году. Ведь это событие сыграло важнейшую роль в судьбе Ирана, подтвердив его статус как союзника антигитлеровской коалиции. Тогда же впервые встретились лицом к лицу все лидеры коалиции. На основе достигнутых договоренностей впоследствии были сформированы те соглашения, которые во многом определили облик мира вплоть до наших дней.

Сергей Кайкин, руководитель Генеральной дирекции международных книжных выставок и ярмарок

Когда Иран стал Ираном

Иран и СССР. Предыстория

После Октябрьской революции победившие большевики неустанно обращали внимание на Восток – и на те республики, которые образовались на месте среднеазиатских частей бывшей Российской империи, и на сопредельные страны. В ноябре 1917 года было принято соответствующее обращение советского правительства, опубликованное в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» (№ 17 от 24 ноября 1917 года).

Обращение советского правительства

Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока

Товарищи! Братья!..

Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно...

Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители!..

На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира.

Мусульмане России!

Мусульмане Востока!

На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

Народный Комиссар по национальным делам Джугашвили-Сталин

21 апреля 1918 года официально было объявлено о создании Туркестанского народного университета, ректором которого избрали Александра Васильевича Попова. Также одновременно начала выпускаться и газета «Народный университет», печатный орган нового учебного заведения.

Уделялось внимание и подготовке специалистов, способных разбираться в тонкостях восточного менталитета, дабы способствовать торжеству дела революции.

ПРИКАЗ

Революционного Военного Совета Республики

№ 137

29 января 1920 года, гор. Москва

Ввиду того, что Республика граничит с массой коренных мусульманских народностей (Хива, Бухара, Персия, Индия и т. п.) и продвинувшаяся далеко вглубь Туркестана наша Красная Армия ощущает острую нужду в

специалистах-востоковедах, с 1-го февраля с.г. при Академии Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии учреждается Восточное отделение Академии на 40 слушателей согласно прилагаемого при сем положения и штата.

Подготовительные работы начать немедленно с таким расчетом, чтобы с 1-го февраля могли начаться регулярные занятия.

Председатель Революционного Военного Совета Республики Л. Троцкий

1) С целью подготовки военнотружущих для службы Генерального Штаба и Красной Армии на восточных окраинах и сопредельных странах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока, а также для службы по военно-дипломатической части утверждается в составе Академии Генерального Штаба Восточное Отделение.

<...>

12) В Восточном отделении изучаются языки: турецкий (2 наречия), персидский (2 наречия), индустани, английский, основы арабского языка, китайский, японский, корейский и монгольский, а также проходится краткий курс мусульманского права, страноведения, военная географии и статистика Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, история и практика внешних сношений, торговое право и история дипломатических сношений с восточными странами.

«Положение о Восточном Отделении Академии Генерального Штаба»

Ушедшие в Персию

Впрочем, не только красные, но и белые видели свой путь в дороге на Восток. Казачий атаман В.С. Толстов, вынужденный отступить перед превосходящими силами Красной армии, через пустыни Туркмении отправился в Персию. Глубокой ночью 4 апреля 1920 года с группой из казаков, офицеров и гражданских, всего около 214 человек, генерал Толстов начал поход в Персию, направляясь из форта Александровского в сторону Красноводска и дальше. Примерно через 2 месяца он находился уже на территории Персии и 2 июня 1920 года вышел к городу Рамиану. К этому моменту с ним оставалось 162 человека. Часть казаков во время марша ушла из отряда, некоторые погибли в пути, во время стычек с туркменами.

По прибытии в Персию Толстов вскоре выразил желание перейти на службу Британии. Он обратился с этим предложением к командованию британского экспедиционного корпуса, находящегося в Персии. У него была идея сформировать независимую часть в 200 человек из уральских казаков для несения военной службы в составе британских сил на территории Персии.

Предложение генерала поначалу вызвало у британцев интерес. Потому что была идея использовать казаков и офицеров группы Толстова для защиты коммуникаций между Британской Индией и Персией.

Но в октябре 1920 года командование британского экспедиционного корпуса передумало принять русскую часть для этой миссии. Под предводительством атамана Толстова часть его людей из уральских казаков для дальнейшей репатриации перебросили из Персии в Месопотамию (Ирак) и разместили в британском лагере.

11 ноября 1920 года на территории Ирака генерал Толстов попал в специальный лагерь, созданный в городе Басра для русских беженцев. Пребывая в течение девяти долгих месяцев в этом лагере, он начал писать книгу. В 1921 году книга «От красных лап в неизвестную даль. Последний поход уральцев» впервые увидела свет в Стамбуле.

Фрунзе и революция в Персии

Знаменитый красный военачальник Михаил Фрунзе сам был уроженцем восточных краев Российской империи, и именно он руководил Туркестанским фронтом во время Гражданской войны.

7 октября 1919 года Фрунзе издал приказ по войскам Туркестанского фронта № 03587: «Вы, доблестные войска 1-й армии, многомесячными усилиями в бездорожном районе, через горы, леса, по степным степям очищали путь в Красный Туркестан, где ваши братья вели упорную борьбу за свою свободу, где был приготовлен для окруженной кольцом врагов Советской России столь нужный ей хлопок, чтобы одеть нашу пролетарскую семью... Ваш могучий дух воинов-революционеров, воинов великой Рабоче-Крестьянской Красной Армии дал вам славные победы. Вы захватили за последний месяц свыше 55 тысяч пленных, много орудий, около 150 пулеметов, большое количество военной добычи... Свершилось! Путь в Туркестан свободен! Совет Обороны РСФСР, высоко ценя услуги, оказанные Советской Республике вашей доблестной боевой работой, постановил:

1. Объявить вам в лице красноармейского и командного состава благодарность отечества;
2. Выдать всему составу 1-й армии, участвовавшему в победоносном наступлении на соединение с Туркестаном, месячный оклад жалованья.

Еще раз сердечно поздравляю вас с блестящим боевым успехом; твердо уверен, что вы навсегда закрепите свои победы там, в Красном Туркестане...»

Фрунзе, как подчеркивает Павел Березов (П. Березов. Михаил Васильевич Фрунзе. М.: Московский рабочий, 1947), «особое внимание уделял пограничным отрядам, охранявшим советские рубежи от внешних нападений. А такие попытки интервентов наблюдались. Так, в июле 1920 года английские войска вторглись со стороны Ирана и захватили наш пограничный пункт Гаудан. Узнав об этом, Фрунзе тотчас же телеграфировал командующему Первой армией: «Предлагаю вам по получении сего принять меры к очищению нашей территории в районе Гаудан от английских постов»».

Но еще в январе 1920 года командующий Туркестанским фронтом Михаил Фрунзе докладывал в Реввоенсовет, что «предстоят большие расходы в связи с организацией революционных войск на территории Персии». Что же скрывалось за этой фразой?

Это был один из советских вариантов развертывания революции на Востоке, которую озвучивал и нарком Троцкий. В этом виделась возможность потрясти подкошенные мировой войной колониальные империи – ведь «путь в Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии». И потрясти Британскую империю можно было по старому рецепту еще царского правительства России – через поход (или угрозу его) на Восток, в жемчужину британской короны – Индию и прилегающие территории.

Да и революционизировать Персию, получив свой оплот на Востоке и постоянную угрозу для Британской Индии, стало одним из проектов советских вождей.

«Дорогой товарищ Мирза Кучек-хан!...»

В качестве повода для «аккуратного вмешательства» большевиков в персидские дела было то обстоятельство, что находившаяся в апреле 1920 года в Баку белая Каспийская флотилия под натиском наступающей Красной армии перебазировалась в персидский порт Энзели (город на севере Ирана в провинции Гилян), находившийся под контролем англичан. В порту встали на якорь 29 судов. Чтобы отобрать их у белогвардейцев, военспецы под командованием Федора Раскольников и Серго Орджоникидзе разработали план, следуя которому 17 мая 1920 года суда Волжско-Каспийской военной флотилии, погрузив две тысячи воинов, направились из Баку в Энзели.

Подойдя через несколько часов к городу, по радио предъявили англичанам ультиматум, требуя вывести войска и сдать имущество. Не дождавшись ответа, высадили десант, который взял под контроль шоссе, ведущее в город. После этого ультиматум 18 мая был принят, англичане и белогвардейцы вышли из города, а 23 корабля и 4 гидросамолета были возвращены на родину и включены в состав Рабоче-крестьянского Красного Флота.

«По прибытии в Исфаган (называемый здесь «испаган»), выйдя наутро сфотографировать бирюзовый купол мечети Шах-Аббас, мы были напуганы трубными звуками. На узкой улочке толпился народ. Вскоре показалась группа персидских полицейских – в белых папахах. Они вели окруженного ими со всех сторон высокого и тощего чернобородого мужчину со связанными за спиной руками. Это очередного пойманного разбойника вели к центральной площади на виселицу. Накануне, как нам сообщили, было повешено семеро разбойников, а еще своей очереди ожидали почти две сотни. Это были члены банды, которая в течение десяти лет бесчинствовала на дорогах и в селениях возле Исфагана. Мы проезжали деревни, где грабили эти молодчики, – разоренные, с домами без крыши. Как говорили, сотни невинных крестьян были убиты разбойниками. Бесчисленные караваны были ограблены ими и лишились всех своих богатств. Примерно 40000 туманов (около 80 тыс. долларов) удалось конфисковать, и персидские власти с помощью пыток и всяческого рода посулов пытались выведать тайные места, где хранилась основная часть награбленного... Когда на помощь бактрийцам (персидское племя) с юга прибыли около 1000 вышколенных британцами персидских солдат и офицеров и основная часть банды была окружена, взята в плен или уничтожена, небольшой группе главарей банды удалось подкупить стражу и бежать. Десять дней шла охота на них в горах».

Гарольд Е. Уэстон.

Персидские путевые зарисовки (опубликовано в «Открывая миры. Лучшие истории о путешествиях и приключениях из National Geographic»)

Выбор места – города Энзели – для советской акции был неслучаен. Еще до начала Первой мировой войны в провинции Гилян действовали отряды дженгелийцев («дженгель» по-персидски – «лес», восставшие против правящего правительства Каджаров скрывались в густых лесах на Севере Персии) под командованием Мирзы Кучек-хана (1880–1921 гг., персидского военного деятеля и руководителя одного из крупнейших революционных движений в стране), который в 1919 году сумел установить контакты с Москвой, предложив большевикам сотрудничество.

Мирза Кучек был сыном мелкого гилянского чиновника, он с юных лет примкнул к революционному движению. В 1909 году он принял участие в походе федаев на Казвин. Один из ближайших его сподвижников, а впоследствии и политических соперников Эхсанулла, говорил, что тот «был очень популярен на севере как храбрый и бескорыстный муджахид», ибо «никогда за всю свою революционную деятельность не занимался грабежами, подобно многим другим, и не брал себе ни одной копейки». Эхсанулла не раз подчеркивал безупречную честность Кучека, который искренне желал возродить бывшее величие и независимость Персии.

Английский генерал Денстервилль, возглавлявший одно время боевые действия против дженгелийцев, называл Кучека «персидским Гарибальди». Британец подчеркивал, что этот противник показался ему «честным и добросовестным идеалистом», преданно любящим свою родину. «Его программа действий, – писал Денстервилль, – вполне совпадала как с образом мыслей серьезных демократов, так и с вожделениями темных беспокойных элементов, искавших случая пограбить. У него были сочувствующие и в верхах; Казвин, Хамадан и другие города были полны его агентами. Его считали спасителем Персии, который выгонит иностранцев и вернет стране ее прежний «золотой век».

Осенью 1915 года Кучек собрал партизанский отряд и увел его в непроходимые гилянские леса, где до повстанцев не могли добраться шахские войска. А когда в соседней России произошла революция, Кучек-хану и возглавляемому им комитету удалось распространить свою неофициальную власть не только на Гилян, но и на Мазендеран, часть Персидского Азербайджана, Хорасана и Астрабадской провинции. Там даже начала выходить газета «Дженгель». Под командованием Кучек-хана находилось более трех тысяч воинов.

Однако после жестоких боев англичане заняли Решт, и в августе 1918 года Кучек был вынужден подписать с ними мирное соглашение. А через полгода, весной 1919 года, шахские казаки под командованием полковника В.Д. Старосельского предприняли широкое наступление на повстанцев. Понеся в боях тяжелые потери, Кучек-хан со своим отрядом был вынужден отступить в горы.

История невмешательства

На первых порах Кучек-хан и советское правительство договорились между собой о сотрудничестве на условиях признания независимой Гилянкой Советской Социалистической республики и невмешательства со стороны советской России в её внутренние дела. По словам самого Кучек-хана, в апреле 1920 года получившего послание из занятого большевиками Петровска, в котором большевики «уведомляли меня о своем решении прийти в Персию и расспрашивали о положении англичан. Я еще не успел им ответить, как они уже бомбардировали Энзели».

15 мая 1920 года секретный сотрудник информотдела при штабе командующего Ленкоранским боеучастком флотилии С. Афонин, 30-летний чернорабочий из Энзели, получил приказ отправиться в Персию и передать Кучек-хану «письмо от Советской России и вознаграждение – орден Красного Знамени», заодно собрав разведанные по числу бойцов и вооружению отряда Кучека-хана, их политического настроения.

Вечером 19 мая 1920 года в Энзели был организован митинг для местного населения, и военком десантных отрядов Б.Л. Абуков произнес речь (переведенную одновременно на фарси), в которой сказал, что большевики пришли сюда за своим имуществом (пароходами и орудиями), увезенными белогвардейцами, и по приглашению персидского революционного вождя Мирзы Кучек-хана, чтобы совместными усилиями прогнать англичан. Но вряд ли тогда у прибывших большевиков была достигнута полная договоренность с «персидским революционным вождем», ибо в тот же день Абуков написал следующее послание: «Дорогой товарищ Мирза Кучек-хан! Советской России давно известно о твоих подвигах в деле освобождения некогда великого и могущественного персидского народа от английского ига и предавшего за английское золото свою родину шахского правительства... Мы считаем своим долгом поставить тебя в известность о целях нашего прихода в Энзели. Мы пришли сюда не в качестве завоевателей и не для того, чтобы вместо английского ярма наложить на исстрадавшуюся Персию новое русское ярмо... Но от многих твоих сторонников с момента нашего прибытия в Энзели нам приходилось слышать, что наше дальнейшее присутствие здесь необходимо, ибо с нашим уходом опять установится здесь ненавистная и для нас и для вас английская власть. Это послужило поводом для того, чтобы написать тебе письмо и узнать твое мнение, ибо для Советской России только твое мнение по данному вопросу может иметь решающее значение. Мы готовы всеми силами помочь персидскому народу избавиться от английского ига. Если наша помощь нужна тебе, то ты должен со своей стороны связаться с нами. Было бы очень желательно лично повидаться с тобой, обо всем подробно переговорить и условиться о дальнейшей совместной работе. Если твой приезд в Энзели почему-либо невозможен, то назначь время и место для личных переговоров».

22 мая Раскольников отправил наркому Троцкому (копию – предсовнаркома Ленину) доклад о развернувшихся событиях, в котором информировал вождей, что «вначале мною было заявлено, что мы пришли только за своим военным имуществом и за белогвардейским флотом, но вчера я передал губернатору заявление, что ввиду восторженного приема красных моряков местным населением и раздающихся с их стороны просьб о том, чтобы мы остались с ними и не отдавали их на растерзание англичан, красный флот останется в Энзели даже после того, как все военное имущество будет вывезено. Первый, второй и третий десантные отряды военных моряков переименованы в советский экспедиционный корпус и начальник десантных отрядов товарищ Кожанов назначен командующим экспедиатора. Прошу вашей санкции на формирование корпуса и утверждение Кожанова в качестве комкора».

23 мая 1920 года возле захваченного красноармейцами Энзели на пароходе «Курск» прошли секретные переговоры Раскольников и Орджоникидзе с Кучек-ханом, о результатах которых сообщили в Москву.

Через день на заседании Политбюро ЦК РКП(б), одоблив «в общем политику Комиссариата иностранных дел, предполагающего оказывать поддержку освободительному движению народов Востока», было принято хитроумное решение, де-факто снимающее с РСФСР ответственность за вмешательство в персидские дела: «Вменить в обязанность т. Раскольникову по оказании необходимой помощи Кучек-хану имуществом, инструкторами и прочим передать под власть последнего Энзели и другие пункты Персии, находящиеся в наших руках, и убрать из этих пунктов флот, заявив, что это делается по распоряжению советского правительства ввиду полного нежелания последнего вмешиваться во внутренние дела Персии. Оставить в Энзели некоторую часть судов под видом полицейской службы, но под азербайджанским флагом в количестве, необходимом для постоянного содействия Кучек-хану».

Спустя несколько часов Раскольников получил от Троцкого следующую директиву:

«1. Никакого военного вмешательства под русским флагом. Никаких русских экспедиционных корпусов. Всемерное подчеркивание нашего невмешательства с прямой ссылкой на требование Москвы убрать русские войска и красный флот из Энзели, дабы не вызывать подозрений в стремлении к захвату.

2. Оказать всемерное содействие Кучек-хану и вообще освободительному народному движению в Персии оружием, инструкторами, добровольцами, деньгами и прочим, сдав в руки Кучек-хану занимаемую нами ныне территорию.

3. Если для успеха дальнейшей борьбы Кучек-хану необходимо участие военных судов, то оставить таковые под флагом Азербайджанской республики и оказывать от ее имени помощь Кучек-хану.

4. Тайно помочь поставить в Персии широкую советскую агитацию и организацию».

Одновременно с Троцким представитель другого наркомата, Лев Михайлович Карахан, заместитель народного комиссара по иностранным делам РСФСР, давал в телеграмме свои руководящие разъяснения Раскольникову: «Сейчас должна быть поставлена одна задача – объединение трудящихся и даже буржуазно-демократических элементов на национальной задаче изгнания англичан из Персии, борьбы против шахского правительства и за демократизацию. Борьба, естественно, должна вестись против англичан и против той части чиновничества и имущих классов, которые вместе с англичанами. Необходимо сплотить Кучек-хана, персидских коммунистов и другие демократические группы, которые за революционную борьбу против правительства и Англии. Мы не возражали бы против организации новой власти по типу Советской власти, причем государственно-административный аппарат был бы советским, но без нашего социального содержания, иначе преждевременно расстроились бы ряды и внутренняя борьба ослабила бы задачу освобождения Персии от Англии».

Но вот с Англией, от которой собирались большевики освободить Персию, у самой советской России были проблемы. Отчаянно нуждаясь в развитии деловых связей с Европой и восстановлении торговых отношений с Англией, советское правительство 31 мая 1920 года начало в британской столице соответствующие переговоры. Правительство Великобритании требовало от Москвы обязательств о прекращении сеяния антибританской «смуты» на азиатской территории. Зная об этом Троцкий предлагал этим воспользоваться, шантажируя англичан на переговорах разворачиванием на азиатских землях (на территории британских колоний и рядом) «красной экспансии». Поэтому РСФСР не хотел оказывать официально никакую военную поддержку ни персидским, ни прочим иностранным революционерам. Поэтому советские корабли Энзели были не под российским, а азербайджанским флагом, и часть подчиненных Раскольникова заявила о принятии персидского гражданства.

Гилянская республика

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе, имея опыт взаимодействия с мусульманским населением на их территории при установлении большевистских порядков, в своей телеграмме, в майской телеграмме 1920 года, отправленной в Москву, подчеркивал негативное отношение к идее коммунизма на Среднем Востоке и писал о том, что нынешняя обстановка не способствует дружбе народов «на принципах интернационализма». Но процесс революционных преобразований в Гиляне уже шел своим ходом, отчасти копируя и российский после-революционный опыт ноября 1917 года, и соответствующую идеологию.

Как пишет историк Владимир Генис (В.Л. Генис. Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М., 2000), «в ночь с 4 на 5 июня образовалось Временное республиканское правительство под председательством Кучека, взявшего на себя также руководство военным ведомством. “На должности комиссаров, учредить которые ему было рекомендовано, – указывал Нахавенди, – Кучек-хан выбрал лиц из молодых прогрессивных деятелей Персии, зарекомендовавших себя в различных этапах революционного движения”». Почти все члены правительства, по российскому образцу привычно названного Совнаркомом, являлись уроженцами Гиляна: в основном это были местные купцы, богатые чиновники и даже помещики. При главе правительства аккредитовывались временный поверенный в делах РСФСР М. Исрафилов и военный агент Г. Пылаев, мандаты которым подписал «по уполномочию Советского правительства командующий Российским и Азербайджанским Каспийским военным флотом Раскольников».

6 июня при громадном стечении народа республиканское правительство открыто возвестило о своем существовании в торжественном манифесте, в котором, как отмечал Исрафилов, «указывало на историю захватной политики английских империалистов в Персии, на полное порабощение персидского трудового народа и уничтожение отечественной торговли. Оно призывало персидский народ сплотиться воедино без различия классов и положений, чтобы выгнать англичан из пределов Персии. Толпа народа, запрудившая громадную площадь Кар-Гузари, в ответ на декларацию правительства восторженно кричала: “Да здравствует Мирза Кучек и Советская Россия!”» Однако, несмотря на обещанное Раскольникову “осуществление социализма”, обнародованная правительством программа показалась большевикам слишком консервативной».

Настало время создания и так называемой Персидской Красной Армии, во главе которой большевики не собирались ставить людей Кучек-хана.

17 июня 1920 года уже упоминавшийся куратор Гилянской республики (замнаркома по иностранным делам РСФСР) Карахан любезно сообщил Кучек-хану, что большевики в его распоряжение направляют известного революционера «тов. Блюмкина и его жену (медиčku), заслуживающих полного доверия». В Гиляне появились и другие прибывшие из РСФСР и других союзных республик представители новой иранской революции и Персидской компартии, требовавшие, невзирая на сложившиеся местные условия, немедленного проведения реформ (в том числе и аграрной) на персидской земле.

Тщетно Кучек-хан в июле 1920 года отправил телеграмму Ленину, прося прислать в Гилян людей, имеющих опыт работы в русской революции, и в первую очередь Б.Мдивани, ранее жившего в Иране. Новое правительство (при участии персидских коммунистов) было сформировано без него. Среди деятелей Персидской Советской Республики оказался и Яков Блюмкин.

В книге Федора Раскольникова «О времени и о себе. Воспоминания, письма, документы» есть раздел под названием «Взятие Энзели». Его супруга, Лариса Рейснер, в цикле очерков «Фронт» («Баку-Энзели») подробно рассказывает о событиях на иранской земле. Поэт и фило-

лог Моисей Семенович Альтман в своей «Автобиографической прозе» описал, как он прибыл в Персию, командированный от РОСТА «в качестве редактора газеты. И я в Энзели стал издавать газеты, даже две: “Красный Иран” и (на персидском языке) с помощью переводчика – “Иран Сорх” (“Красный Иран”). Выходила “моя” газета с вещательными, мной же сочиняемыми аншлагами вроде: “Шах и мат дадим мы шаху. С каждым днем он ближе к краху”. Помещал я в газете и свои стишки...». Один из номеров «Красного Ирана» был выпущен в честь Кучек-хана и образования Гилянской Советской Республики.

Далее Альтман описывает, что хотя по прибытии в Энзели многие местные жители приветствовали их возгласами «Болшевик, болшевик», ударяя себя руками в грудь и вроде радуясь приходу чужеземцев, но уже спустя три месяца, когда чужаки покидали Энзели, по ним стреляли из окон...

В Гилянской советской республике побывали и многие известные российские поэты и деятели искусства – Велимир Хлебников и Сергей Городецкий, который вместе с другими сотрудниками КавРоста участвовал в выпуске газеты «Красный Иран». В марте 1921 г. Городецкий закончил драматические сцены «Красного Ирана», в которых действовали четыре героя – «красноармеец, перс, шах, англичанин». Эту одноактную пьесу несколько раз сыграли перед воинами Персидской Красной Армии. Велимир Хлебников написал в 1921 году стихотворение «Ночь в Персии», упоминавшее в аллегорической форме те гилянские события:

Морской берег.
Небо. Звезды. Я спокоен. Я лежу.
А подушка не камень, не перья –
Дырявый сапог моряка.
В них Самородов в красные дни
На море поднял восстанье
И белых суда увел в Красноводск,
В красные воды.
Темнеет. Темно.
«Товарищ, иди, помогай!» –
Иранец зовет, черный, чугунный,
Подымая хворост с земли.
Я ремень затянул
И помог взвалить.
«Саул!» («Спасибо» по-русски.)
Исчез в темноте.
Я же шептал в темноте
Имя Мехди.

Мечтавший побывать в Персии известный российский поэт Сергей Есенин тоже косвенно «угодил» в эту историю – он был арестован 18 октября 1920 года на квартире поэта Александра Кусикова (где якобы собирались белогвардейцы) в центре Москвы в Большом Афанасьевском переулке и отправлен на Лубянку. Освободили Есенина под поручительство Якова Блюмкина. До наших дней дошел тот самый документ: «Подписка. О поручительстве за гр. Есенина Сергея Александровича, обвиняемого в контрреволюционной деятельности по делу гр. Кусиковых. 1920 года октября месяца 25-го дня, я, ниже подписавшийся Блюмкин Яков Григорьевич, проживающий по гостинице “Савой” № 136, беру на поруки гр. Есенина и под личной ответственностью ручаюсь, что он от суда и следствия не скроется и явится по первому требованию следственных и судебных властей. Подпись поручителя Я. Блюмкин 25.X.20 г. Москва. Партбилет ЦК Иранской коммунистической партии».

В своей автобиографии Блюмкин писал: «В 1920 году я после десанта в Энзели был командирован в Персию для связи с революционным правительством Кучек-хана. Там я принимал деятельное участие в партийной и военной работе в качестве военкома штаба Красной Армии, был председателем Комиссии по организации Персидского правительства на съезде народов Востока в Баку, захватил 31 июля 1920 года власть для более левой группы персидского национально-революционного движения, для группы Эсанулы, больной тифом, руководил обороной Энзелигуй».

Судьба Ходоу-хана

Еще одна попытка революционизировать Персию была совершена в мае – июле 1920 года командующим Туркестанским фронтом Фрунзе, попробовавшим поднять местное население восточной провинции Хорасан против правительства Каджаров и англичан. Для этого Фрунзе и его советники (получив, по видимости, согласие Москвы) пригласили на переговоры одного из мятежных вождей провинции, давнего врага шахской администрации, Ходоу-Верды хана (родившегося в 1890 г. в местечке Атта Кура и принадлежащего к курдам племени зафаранлу). Прибывший 13 мая 1920 года в город Полторацк (в 1919 году город Асхабад – современный Ашхабад – был переименован в Полторацк в честь революционного деятеля и председателя Совнархоза Туркестанской республики П.Г. Полторацкого) конспиративно, с семьёй спутниками, Ходоу-Верды хан провел там три дня. Помимо переговоров с Реввоенсоветом 1-й армии, Ходоу продемонстрировал стрельбу из пулеметов, орудий и даже полеты на аэроплане (в одном из которых он не побоялся принять личное участие).

Как пишет в своей монографии профессор, доктор исторических наук Ольга Ивановна Жигалина (О.И. Жигалина. Курдское движение в иранском Хорасане под предводительством Ходоу. Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 12. Вып. 4).

«Реввоенсовет принял решение выделить из состава красноармейских частей бойцов-персидскоподданных и передать их в распоряжение Ходоу. Кроме того, Реввоенсоветом временно было передано Ходоу три пулемета системы “Луйс” с запасными частями, 2 тыс. патронов к ним, 200 английских 11-зарядных винтовок с 30 тыс. патронов. Для отправки всего этого снаряжения были задействованы 15 верблюдов и 1 лошадь. Ходоу-хана с его людьми провожал через границу тов. Г. Калаков с 20 вооруженными всадниками. Этот отряд охранял его и на иранской стороне от нападения английских частей. Все это было сделано конспиративно, как на российской, так и на иранской стороне. Ходоу-хан был весьма доволен поддержкой, которую оказал ему Реввоенсовет Туркестана, и рассчитывал на расширение этой помощи.

По прибытии в свою вотчину, Ходоу-хан обещал послать несколько своих способных людей в Туркестан для обучения военной технике. Он также обязался каждые три дня присылать курьера с донесениями. Кроме того, он обещал восстановить связь с Кучек-ханом и о его работе доносить Реввоенсовету... командующий Туркфронтом М.В. Фрунзе уведомил 6 июня главкома С.С. Каменева о том, что “в связи с готовящимся революционным выступлением в Хорасане требуется в возможно короткий срок доформировать Персидский интернациональный отряд, перебрасываемый из Ташкента в Полторацк”. Ходоу умолял большевиков не медлить, поскольку все пограничные ханы, жандармы и даже наемные войска англичан ожидали его выступления и были готовы присоединиться к нему».

Ходоу заявил, что под его командованием находятся три тысячи вооруженных и лично преданных его бойцов. Англичан и шахское правительство не устраивало сотрудничество Ходоу-хана с большевиками, они опасались интервенции. Поэтому приехавший к Ходоу на переговоры британский офицер предложил ему не сотрудничать с Москвой, обещая взамен помощь и оружие. Ходоу отказался, сообщив, что не имеет с большевиками дел. Правительство шахской провинции Хорасан предложило ему должность. Но Ходоу и в этот раз отказался.

Прибыв 28 июня 1920 года в Полторацк, Ходоу стал торопить своих новых «тайных» союзников с выступлением против шаха, но в ходе переговоров выяснилось, что обещавший помощь Реввоенсовет 1-й армии решил отложить эту операцию. Не получив обещанной помощи, Ходоу выступил сам, и к июлю 1920 года поднятое им восстание курдов достигло своего максимума. Но силы были неравны – опасаясь расширения территории восстания, командование английских войск в Персии губернатор провинции Хорасан Кавам-эс-Салтане (ранее являвшийся личным секретарем Мозафереддин-шаха, а впоследствии – премьер-министром

Персии) стянули войска и боевую технику (пулеметы и горное орудие). Также использовали против восставших отряды, укомплектованные индийцами – чтобы, как решили английские инструктора, солдаты не переходили на сторону чужака Ходоу. Под натиском превосходящих сил неприятеля Ходоу с остатками восставших двинулся к границе и 10 августа оказался в Полторацке, где была получена официальная депеша от персидского правительства, требовавшая выдачи Ходоу-хана в Тегеран «как разбойника и убийцу».

Через две недели Ходоу был отправлен в Ташкент «для личного доклада командующему Туркфронтом», и товарищ Фрунзе должен был решить, что с ним делать и какой ответ дать официальному Тегерану на депешу о его выдаче.

13 августа 1920 года Кавам-эс-Салтане – будущий премьер-министр Ирана в период кризиса в Южном Азербайджане после окончания Второй мировой войны – сообщил в персидскую столицу о полном подавлении восстания, но из-за того, что в ряде округов опасались новых мятежей и возвращения Ходоу, были усилены жандармские гарнизоны, и увеличено количество караульных постов.

Прибывший в Ташкент 11 сентября Ходоу к Фрунзе уже опоздал – тот получил назначение командующим Южным фронтом и отправился бить Врангеля. Новым командующим Туркестанским фронтом (и председателем Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК и председателем Туркбюро ЦК ВКП(б)), стал Григорий Яковлевич Сокольников, который (по постановлению Реввоенсовета) решил отправить Ходоу к самому Троцкому в Москву. Здесь Ходоу, как не проникшийся коммунистическим духом и не имевший революционной ценности, не получил никакой помощи для дальнейшей борьбы против шахского правительства и был отправлен обратно в Туркестан.

Там – ни в Ташкенте, ни в Полторацке, – Ходоу тоже был никому не нужен, и он решил вернуться на родину, перейдя ночью 27 марта 1921 года туркестано-персидскую границу. Ходоу сопровождало всего три десятка человек, вооруженных (на всех!) шестью револьверами и четырьмя винтовками. Вскоре немногочисленный отряд был окружен персидскими правительственными войсками. Схваченный мятежник Ходоу был казнен. Попытка революционизировать Персию в очередной раз провалилась.

Персия становится Ираном

22 марта 1935 года Персия стала официально называться Ираном. Принявший это решение Реза-шах обратился в Лигу Наций с просьбой отныне использовать в названии своей страны не слово «Персия», как раньше, а «Иран». Для шаха, последовательного националиста и приверженца древних традиций, это было поистине символическое решение.

Реза-шах для иностранных представителей обосновывал это переименование тем, что «персы являются лишь одной из нескольких индоиранских этнических групп в Иране».

Поскольку Реза-шах, основатель династии Пехлеви, при которой официальное название страны звучало как Шаханшахское государство Иран (в названии используется древний титул персидских правителей «шахиншах» – «царь царей»), стремился проводить культурно-идеологическую политику под лозунгом «возврата к былому величию», то одним из направлений было обращение к славному (и легендарному) доисламскому прошлому. Название Иран использовалось во времена Сасанидской империи – Иранской империи. Ряд источников относит название Иран во времена государства Ахеменидов. Среди советчиков Резы-шаха в вопросе переименования называют и иранского посла в Германии, которого убедили представители III рейха, что иранцы, являющиеся истинными арийцами, обретут с новым («древним») названием новое величие...

Это новое название прижилось вне страны не сразу, порой на Западе возникали вопросы – зачем было переименование? Известный русский художник, писатель и деятель культуры Николай Рерих писал 15 января 1935 года в эссе «Иран» (опубликованном в 1936 году в книге «Врата в будущее»): «С марта месяца исчезнет Персия. Будет – Иран. Издалека трудно судить об истинных причинах переименования. Иногда они начинают казаться эпидемическими, – так многое переименовывается и в географическом, и социальном плане.

От старых мест люди переходят на новые, как бы в великих переселениях. Может быть, ищут, где крови меньше пролито? Или вспоминают о каких-то древних путях? Или, устремляясь в будущее, прежде всего хотят движения?

Не знаем, почему вместо Персия – Иран? Не знаем, почему именно с марта? Но обращение к знаменательному древнему имени звучит потенциально, в нем много размаха, воспоминаний, мечты. От души пожелаем Ирану все то, что зовет нас в этом древнем созвучии. Пожелаем так мужественному шаху Ирана Реза Хан Пехлеви.

Может быть, уже не всегда звучит старая песнь? Живописная одежда уже ушла из высших классов и уже начинает покидать и народ. Но само могучее слово Иран, не напомнит ли оно о многом прекрасном, достойном сохранения вне преходящих веков; не напомнит ли о двух с половиной тысячелетней истории, во время волн которой государство удержалось, а теперь с особой ясностью мыслит о самосознании.

Разве не прекрасна «Книга Царей», созданная мощью великого поэта, выразившего иранское самосознание?! Исконная борьба Света и тьмы; этот прообраз участия человека в умножении добра и зла запечатлелся в символике Ирана. И теперь, когда страна хочет в имени своем напомнить о славе, и силе, и глубине мысли, можно считать такую замену показателем внутреннего роста.

Сколько величайших страниц вписано в историю Ирана! Вспомним имена сатрапий: Мидия, Элам, Парфия, Харайва, Бактрия, Сугд, Хоразм, Дрангиана, Арахозия, Таттагуш, Синд, Египет, Армения, Каппадокия, Спарда, Иония, Скудра, Кушья, Машья, Каркас! Одни названия уже великая сказка! Кто не мечтал о Пасаргадах, о Вавилоне, о Сузах, об Экбатане, о Персеполисе? Чье воображение не очаровывали великие рельефы на скалах, огромные изображения, соорудившие и прославлявшие входы исчезнувших дворцов? Даже эти дошедшие до

нас обломки, даже осколки плит пола; даже обломки ничтожных пышных ожерелий – все это говорит о восхищающем и вдохновляющем размахе и качестве творчества».

Сам Реза-шах заявлял своим подданным, что во славу родины нужно воздерживаться от «ношения иностранной одежды. Иранец должен использовать ткани иранского производства. Галстук должен быть сделан в Йезде, а не в Европе... Женщины должны отбросить чадру и наряду с мужчинами появляться в обществе. Отменяются титулы – такой-то ад-доуле или такой-то ас-салтане. Вместо титула нужно выбрать фамилию семьи. Вывески магазинов должны оформляться на персидском языке, а не на европейских. Дружеские связи с сотрудниками иностранных посольств есть своего рода измена...».

В Иране была введена всеобщая воинская повинность, деятельность иранской армии (разделенной по родам войск) определялась новым Уставом, для подготовки кадров начали работать офицерские училища, поскольку шах решил заменить офицеров из представителей элиты на выходцев из средних слоев, получивших военное образование и лояльных к шаху.

Волей Резы-шаха для иранских военнослужащих и государственных чиновников был введен особый головной убор – «пехлеви», своей формой напоминающий французскую высокую шапку с козырьком.

Помимо этого, проводя реформы, шах повелел отменить ношение традиционных национальных костюмов, вызвав массовые возмущения в кочевых племенах, для которых сформировавшийся поколениями костюм и головной убор на протяжении столетий были узнаваемым знаком их этнической идентичности.

Произошли преобразования и в экономической жизни Ирана – был создан Национальный банк Ирана, в стране строились текстильные предприятия, наиболее быстро развивалась пищевая и строительная промышленность, возводились железнодорожные дороги и автомагистрали. В Иране была введена единая система судопроизводства, стали действовать Свод коммерческих законов, Уголовный и Гражданский кодексы.

По указам шаха в стране были открыты светские школы, Тегеранский университет, в котором уделялось внимание преподаванию и изучению истории и филологии древнего и средневекового Ирана. В Тегеранском университете получили приглашение преподавать видные зарубежные (европейские и азиатские) ученые-иранисты, ряд сотрудников университета вместе с тегеранскими журналистами занимались идейным оформлением новой национальной идеи, декларируемой шахом.

В 1935 году была учреждена Иранская национальная академия литературы и языка, объявлено о переходе страны на европейский календарь, по приказу шаха было принято предписание о снятии с женщин чадры и допуске женщин в высшие учебные заведения. В стране было создано светское Министерство просвещения.

***Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Иране А.С. Черных
3 сентября 1937 г.***

*Самши поставил перед отъездом вопрос о поддержке со стороны СССР кандидатуры Ирана в Совет Лиги наций. Не связывая нас формально, я ответил в благожелательном смысле, что имело место после беседы о внешней политике Ирана и моих представлений о германской агрессивной деятельности в Иране. Самши заверял в дружбе к СССР и заявлял, что это политика самого шаха, которая в Иране является директивой для каждого.
Стомоляков*

Шах стремился укрепить свою власть, не терпел оппозицию и даже относительную независимость окраинных территорий, поэтому по его приказу была ликвидирована автономия

ряда кочевых племен, превращенных таким образом в оседлые. При этом многие пытавшиеся это бойкотировать вожди кочевых племен были убиты, посажены в тюрьмы и, лишенные власти, отправлены в ссылку в дальние районы страны. Реза-шах неуклонно боролся за разоружение кочевых племен, а для контроля над окраинными территориями развертывалось строительство шоссейных дорог, связывавших окраины с Тегераном. Для того чтобы добиться усиления центральной власти, была проведена административная реформа, изменившая административное деление Ирана, ограничившая права управлявших крупными областями генерал-губернаторов.

«В течение веков в зоне обитания племен размещалась одна из важнейших составляющих частей иранской экономики. Здесь выращивалась большая часть скота, особенно мелкорогатого, лошадей, вьючных животных; производились мясомолочные продукты, а также шерсть, сафьян, высококачественные ковры и т. д. В результате осуществляемой шахской политики возможности экономической деятельности племен резко сократились. От этого пострадали многие отрасли и городской промышленности, работающие на сырье (кожа, шерсть и т. д.), поставляемом кочевниками.

Явно парадоксальной оказалась и идеологическая сторона политики Резы Пехлеви. В ней большое место отводилось пропаганде достижений доисламских культур, особенно времен Ахеменидов и Сасанидов, а также эпосу «Шахнаме» («Книга о царях») Аболькасема Фирдоуси. В то же время власти собирали и изымали экземпляры этого выдающегося произведения у кочевников, запрещали его исполнение в сопровождении музыки во время праздников на стойбищах. Ведь в стихах Фирдоуси воспевались героизм и отвага древнеиранских и туранских пехливанов (витязей)».

С.М. Алиев. История Ирана. XX век

Но, стремясь модернизировать страну, сделав ее могущественной и независимой от других держав (Англии и СССР, ведь по договору 1921 г. правительство Советской России имело право в случае осложнения ситуации в Иране вводить туда свои войска), шах не собирался менять существующую в стране патриархальную структуру, поскольку на нее опирался.

Германия и Иран

Несмотря на идеологическое переименование страны из Персии в Иран и признание в III рейхе иранцев арийцами, Германию и Иран в 1930-е годы связывали между собой в большей степени экономические, чем идейные взаимосвязи, которые лелеяли некоторые иранцы, жившие в III рейхе. Шах хотел получить передовое оборудование и лучших специалистов по его вводу и обслуживанию. Гитлеру нужно было стратегическое сырье и полуфабрикаты. Так началось сотрудничество. Первые торговые соглашения между Германией и Ираном были подписаны в октябре 1935 года и через несколько месяцев ратифицированы меджлисом. Как подчеркивает исследователь доктор исторических наук Александр Оришев (Оришев А.Б. Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг.), «для поощрения германо-иранской торговли в том же 1936 г. в Берлине была основана германо-иранская торговая палата, а в Гамбурге германо-иранское торговое общество с уставным капиталом в 300 тыс. марок, которые должны были открыть частным немецким импортерам и экспортерам иранский рынок. Пайщиками общества являлись известные иранские коммерсанты: Багир Заде, Бушири, Валади, Вахаб Заде, Даруди, Миланги, Накреван, Нусретян, Туба, Хои, Хосров Шахи. Председателем общества был избран высокопоставленный чиновник Министерства экономики Германии Феллах.

Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И.М. Майскому 4 марта 1937 г.

Вам, конечно, известно, что Германия делает отчаянные усилия для овладения экономикой Ближнего Востока, в частности Ирана и Афганистана. Закупая там все сырье, которое не находит сбыта на других рынках, Германия использует накапливающиеся таким путем на счетах ближневосточных стран замороженные марки для навязывания им своих экспортных товаров. Продает она машинное оборудование, строит заводы, комбинаты на выгодных кредитных условиях; не отказывается она также в продаже военных материалов; посылает своих специалистов для разведывания минеральных залежей; дает она также специалистов на службу означенным странам на условиях более выгодных, чем того требуют специалисты других национальностей. Таким образом Иран и Афганистан уже в значительной мере опутаны Германией. По нашим сведениям, в Иране уже имеется около 500 германских специалистов, а в Афганистане около 100. Теперь Германия стремится связаться с Ираном и Афганистаном воздушной линией...

В настоящее время намечается линия на Ирак – Иран – Афганистан, которая для Германии имеет важное значение, если даже не удастся продлить ее дальше в сторону Китая. Мы опасаемся, что колебания Ирана и Афганистана Германии не трудно будет преодолеть, если ей удастся заручиться согласием Ирака. Однако в случае отрицательного отношения к этой линии английского правительства ему не трудно было бы повлиять на Ирак и окончательно провалить германскую воздушную схему. Повторяю, не надо обращаться к англичанам специально по этому вопросу, а затронуть его лишь при беседе на другие темы.

Литвинов

С августа 1936 г. в Берлине стал издаваться журнал на персидском и немецком языках, учредителем которого выступила германо-иранская торговая палата. В это же самое время в Тегеране при Министерстве торговли была основана клиринговая контора. В том, что к концу 1930-х годов германскому капиталу удалось завоевать командные позиции в иранской экономике, была немалая заслуга этих институтов.

В сентябре 1936 года для ведения переговоров об экономическом сотрудничестве в Берлин прибыла иранская делегация, состоявшая из представителей Министерства финансов, Министерства иностранных дел и Главного управления торговли. В честь делегации в гостинице «Эспланад» был дан торжественный банкет, на котором произносились тосты за здоровье Гитлера и Резы-шаха. Стороны были удовлетворены ходом переговоров, и в конце 1936 г. германский министр экономики и президент рейхсбанка Я. Шахт во время пребывания в Анкаре получил официальное приглашение посетить Иран...

Приглашение было принято, и в ноябре 1936 года с официальным визитом в Тегеран прибыл официальный представитель (и один из главных организаторов военной экономики) III рейха Ялмар Шахт, министр экономики и президент Рейхсбанка Германии. Шахт был принят шахом, премьер-министром, министрами иностранных дел и финансов, и на вип-банкете германский министр произнес речь перед иранской элитой, с пафосом сказав, что «стремление к пробуждению национальных сил и пользование ими в целях общего прогресса является общим для наших народов. Товарообмен между Германией и Ираном за последние годы, в частности, после заключения торгового договора 1935 года, настолько увеличился, что нас теперь связывают и экономические интересы соответственно той политической дружбе, которая с давних времен существует между обеими странами. Мы надеемся сотрудничать в экономическом прогрессе Ирана. Здесь повсюду наблюдается дух прогресса, новые дома и улицы Тегерана говорят об энергичной деятельности. Германский народ, который под руководством своего вождя Адольфа Гитлера твердо движется к мирному прогрессу, с глубоким интересом идет по пути дружественному Ирану».

Записка начальника Разведуправления Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) – И.В. Сталину с препровождением агентурного донесения о задачах германской делегации в хозяйственных переговорах между СССР и Германией

02.11.1940

Представляю дословный текст сообщения источника, заслуживающего доверия, о задачах германской делегации в хозяйственных переговорах между СССР и Германией. Материал заслуживает внимания.

Начальник Разведывательного управления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенант (ГОЛИКОВ)

В сентябре – октябре 1940 г. немецкое посольство в Москве получило совершенно секретный циркуляр министерства иностранных дел Германии, который был прислан для сведения и который представляет собой доклад Шнурре о состоянии советско-германских торговых взаимоотношений. Этот доклад был написан Шнурре для Риббентропа.

...В заключение в докладе Шнурре подчеркивается, что хозяйственные связи Германии с такими странами, как Иран, Афганистан, Маньчжоу-Го, Китай, Япония, а через них далее с Южной Америкой, идут исключительно

только через СССР, а эти связи во все увеличивающемся объеме используются для снабжения Германии сырьем.

Доклад Шнурре получен 28 сентября 1940 г.

Хотя Шахт и пытался ограничить расходы на перевооружение в Германии, по должности (21 мая 1935 года Шахт был назначен генеральным уполномоченным по военной экономике), ему поручено начать «экономическую подготовку к войне», поэтому Иран с его сырьем был одним из будущих важных деловых партнеров Германии. Шахт совершил поездку по северным районам Ирана, интересовался не только иранской экономикой и промышленностью, но и системой иранской торговли. Шахт встречался и с руководителями иранских СМИ, которым заявил, что «я посетил Вашу страну для расширения между Германией и Ираном экономических отношений. При этой поездке никаких политических целей не имеется. Единственная моя цель заключается в том, чтобы укрепить в интересах обеих стран существующие торговые отношения... Ваша страна располагает продуктами и предметами, которые необходимы Германии. Так как Иран вступил в весьма серьезную индустриальную жизнь, то он может пользоваться германской промышленностью, как в сельском хозяйстве, так и в промышленном строительстве...

Во время моей поездки я имел возможность ознакомиться с промышленным строительством Ирана и могу выразить глубокую надежду, что Иран в этом сотрудничестве может значительно прогрессировать в сотрудничестве с Германией... Что касается системы торговли в Иране (где была введена в 1931 году монополия внешней торговли. – *Примеч. А. Громова*), то следует сказать, что проводимая иранским правительством экономическая и финансовая система является наилучшей. Аналогичная система проводится также и в Германии...». При участии Шахта были заключены несколько контрактов для немецких фирм на иранской территории, подписано соглашение о товарообороте.

Для переговоров о сотрудничестве между странами летом 1937 года в Германию прибыла иранская делегация во главе с председателем меджлиса Хасаном Эсфендиари. Он и иранский посланник в Германии были приняты сначала Гитлером, а потом его сподвижником Герингом и Шахтом. Через несколько месяцев в Берлин прибыл председатель тегеранской торговой палаты Никпур, прошедший переговоры с германскими промышленниками и торговыми фирмами.

Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Иране

21 октября 1937 г.

Пошлите немедленно ноту следующего содержания:

«Господин Министр, согласно полученным мною в беседе с министром путей сообщений г. Ахи сведениям, Иранское Правительство заключило с одной иностранной фирмой договор о строительстве верфи в порту Пехлеви.

По поручению моего Правительства, я имею честь обратить Ваше внимание на то, что постройка верфи в порту Пехлеви при участии иностранной фирмы представляла бы прямое нарушение п. 2 обмена нотами между СССР и Ираном от 1 октября 1927 г., в котором предусмотрено, что Иранское Правительство не будет иметь “в течение 25 лет среди своих служащих, рабочих и подрядчиков управления порта неиранских подданных”.

Придавая настоящему вопросу важное значение, поскольку с ним связаны существенные интересы и обязательства обоих государств, я прошу Вас, по поручению своего Правительства, по возможности в скором времени сообщить мне ответ Иранского Правительства на настоящее обращение к нему Советского Правительства...

Но в ирано-германской торговле были и свои нюансы. Как подчеркивает исследователь Александр Оришев (*Оришев А.Б. Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг.*), «однако

из-за того, что основные стратегические товары были забронированы монопольными договорами с Советским Союзом, расширение экспорта Ирана в Германию шло главным образом за счет вывоза знаменитых персидских ковров, шерсти, кишок и опиума. Ранее эти товары почти не импортировались из Ирана. Так, удельный вес Германии в торговле коврами с 1933 г. по 1937 г. увеличился в десять раз. Впоследствии она частично экспортировала ковры в страны с конвертируемой валютой. Кроме ковров Германия перепродавала и другие товары, но только те, которые нельзя было использовать в военном производстве...». Одновременно происходило снижение объёмов англо-иранской торговли.

Роль германских поставок наследный принц Мохаммед Реза Пехлеви оценивал достаточно высоко, поскольку «Германия поставляла в Иран главным образом промышленное оборудование и материалы для железнодорожного строительства, скупала шерсть и хлопок. Немецкие инженеры и техники помогали обслуживать наши порты и железные дороги, управляли фабриками, оснащенными немецкими станками...».

Но, помогая иранской промышленности, III рейх в первую очередь рассчитывал сделать из Ирана своего союзника-сателлита и получать из Ирана сырьё, добившись в этом частично успеха, заняв к 1937 году второе место по объёму в иранской внешней торговле, пропустив вперед Советский Союз. Экономические успехи немцев в Иране отмечали в своих докладах сотрудники советской разведки, работавшие на иранской территории.

Огромная карта Ирана, висевшая в рейхсканцелярии, будоражила фантазии фюрера. Иран имеет выгодное геополитическое положение, рассуждал Гитлер, он не только представляет собой удобный плацдарм для вторжения в Ирак и Британскую Индию, но и граничит с СССР, что создает перспективы использования его территории в качестве базы для организации подрывных действий против советской Средней Азии и Закавказья.

Оришев А.Б.

Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг.

В Тегеран из Берлина прибывали не только дипломаты, коммерсанты и финансисты. В декабре 1937 года в Иран прибыл с визитом руководитель молодёжи Германского рейха Бальдур фон Ширах, который прибыл поддержать создание соответствующей иранской молодежной организации, верховным руководителем которой стал наследный принц и будущий шах Мохаммед Реза Пехлеви. Ширах был принят шахом.

Шираху в Иране была устроена торжественная встреча, во время которой толпы молодёжи проходили маршем со вскинутыми в нацистском приветствии руками. Это не понравилось шаху, посчитавшему это угрозой своей власти. Реза-шах опасался нарастания немецкого (нацистского) влияния не только в экономике, но и в области пропаганды, ограничивая в том числе ввоз в Иран германских фильмов и других пропагандистских «инструментов» (но это не касалось техники – германская фирма АЭГ была поставщиком радиоаппаратуры, а иранское Министерство почты и телеграфа приобретало германские громкоговорители), которых часто использовали во внешней политике руководители III рейха. Так, в 1936 году в дар шаху Адольф Гитлер послал свою фотографию, подписав «шахиншаху Ирана с наилучшими пожеланиями». 20 марта 1938 года Гитлер отправил Резе-шаху поздравительную телеграмму по случаю праздника Новруз:

«Царю царей Ирана

Я хотел бы выразить мои сердечные поздравления по случаю праздника Новруз. Посылаю мои наилучшие пожелания дальнейшего процветания Ирана.

Адольф Гитлер

Канцлер Германской империи».

Отношения с III Рейхом

В конце 1930-х – начале 1940-х годов шах Ирана, несмотря на симпатию к «арийским» идеям нацистов, больше рассматривал Германию, с которой ширились экономические связи, как третью силу, с помощью которой он надеялся «уравновесить» влияние и вовлечение Ирана в орбиту как СССР, так и Англии, стремясь обезопасить страну от ситуации, произошедшей в начале XX века, когда эти две империи разделили между собой сферы влияния на персидской земле. Поэтому неслучайно Англия, как и Советский Союз, как в последние годы правления Резы-шаха, так и после его отречения обвиняла его в симпатиях к фашистской Германии и предоставлении немецкой разведке плацдарма для действий против союзников.

Как описано в академическом издании «Иран и Вторая мировая война», «в этой связи большой интерес вызывают эпизоды, свидетельствующие о негативных сторонах ирано-германских отношений. Публицист Сейф Азад, при финансовой и технической помощи правительственных кругов фашистской Германии, издавал в Тегеране в 1933–1935 гг. на персидском языке богато иллюстрированный еженедельник с изображением свастики на обложке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.